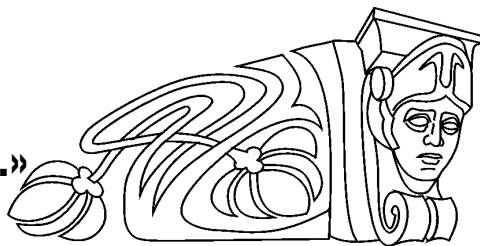

УДК 94(47).083+929 Угримов

Александр Угримов – русский герой Французского Сопротивления: «Я прошел по канату над пропастью...»

Ю. В. Варфоломеев

Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ybartho@mail.ru

В статье рассматривается деятельность отрядов французского Сопротивления на оккупированной территории Франции в годы Второй мировой войны. Автор исследует малоизвестные страницы деятельности дурданской группы Сопротивления через призму восприятия событий тех лет и на примере судьбы одного из активных участников и руководителей антифашистского движения – русского эмигранта первой волны Александра Александровича Угримова.

Ключевые слова: А. А. Угримов, Французское Сопротивление, Дурдан, Вторая мировая война.

Поступила в редакцию: 22.03.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликована: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Alexander Ugrimov – Russian Hero of the French Resistance: «I Walked on a Tightrope over an Abyss...»

Yu. V. Varfolomeev

Yuriy V. Varfolomeev, <https://orcid.org/0000-0002-4488-6582>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ybartho@mail.ru

The article examines the activities of French Resistance units in the occupied territory of France during the world war II. The author explores the little-known pages of the durdan Resistance group's activities through the prism of perception of the events of those years and by the example of the fate of one of the active participants and leaders of the anti – fascist movement – a Russian emigrant of the first wave, Alexander Alexandrovich Ugrimov.

Keywords: A. A. Ugrimov, French Resistance, Durdan, world war II.

Received: 22.03.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-304-309>

В трагический хронотоп Второй мировой войны вписаны яркие и героические страницы, связанные с движением Сопротивления европейских народов против гитлеровской агрессии. «Резистанс (Сопротивление) – это также культурный, моральный и политический факторы, роль которых в дальнейшем развитии Франции нельзя недооценивать»¹, – особо подчеркивал один из его участ-

ников А. А. Угримов. Среди героев французского «Resistance» (Сопротивления) широко известны имена русских эмигрантов² – бывшего члена ЦК партии эсеров, комиссара Временного правительства на Черноморском флоте, публициста и издателя И. И. Бунакова-Фондаминского³, православной монахини Марии Скобцовой (в миру – Елизавета Юрьевна Скобцова – поэтесса, публицист и общественный деятель), княжон З. А. Шаховской, В. А. Оболенской, научных сотрудников «Музея Человека» в Париже – этнографа Бориса Вильде и антрополога Анатолия Левицкого⁴, которые первыми провозгласили в оккупированной и униженной Франции ставшее символом борьбы с оккупантами кодовое для антифашистов слово «Резистанс». Между тем в славной плеяде борцов французского Сопротивления незаслуженно забытым оказалось имя русского француза Александра Угримова, который всегда ощущал и гордился духовным родством с мужественными соотечественниками: «Это люди, во многом близкие мне по судьбе, люди моего поколения – я чувствую с ними сродство, это мне дорого»⁵.

Александр Александрович Угримов родился в 1906 г. в Швейцарии в местечке Лез Аван в дворянской семье, которая после большевистского переворота потеряла все свое имущество и вынуждена была покинуть родину. Скаут, увлекшийся идеями борьбы за справедливость. Пассажир знаменитого «философского» парохода. Берлинский студент, ставший, как и его отец, дипломированным агрономом, наладившим высокотехнологичное мельничное производство во Франции. Младоросс, увлеченный идеями социального и политического переустройства России, и, наконец, герой Французского Сопротивления, получивший награду от генерала Эйзенхауэра. В 1963 г., уже будучи в СССР, Угримов запечатлел героические страницы своего участия в антифашистской борьбе, правда, на французском языке – «Записку об участии русских в Дурданском Сопротивлении» («Memoire sur la participation des Russes a la Resistance de Dourdan»).

В своих воспоминаниях он отмечал, как тяжело переживали эмигранты из России сокрушительное и позорное поражение Франции от фашистской Германии в 1940 г. Особенно болезненно этот разгром воспринимался теми русскими французами, кто уже пустил, по словам А. А. Угримова, «корни во французскую землю, во французскую культуру»⁶. Роковой для его родины день – 22 июня 1941 г., когда началась Великая Отечественная война, застал

молодого инженера-мукомола в городе Дурдане, в 45 км от Парижа, где он работал начальником производства на кооперативной мельнице. Эта страшная весть отозвалась в сердцах Угримова и его ближайших друзей мучительной болью от осознания того, что они оторваны от русского народа, от своей родины в этот грозный и тяжелый момент истории. Уже тогда у многих из них сложилось понимание того, что предстоит тяжелая борьба с общим для Франции и России врагом. В то время среди добровольцев и солдат французской армии было много друзей Александра Угримова, да и он сам понимал, что принять участие в борьбе с общим врагом – дело долга и чести.

В этот день в разговоре с рабочими, высказывавшими ему сострадание и сопереживание, он открыл для себя удивительную вещь. Видя в их глазах надежду на то, что именно Россия вернет Франции свободу, он ощутил фатальную неизбежность краха агрессора, как это уже не раз бывало в русской истории. Он почти интуитивно снял с полки любимую, читанную и перечитанную им еще в юности книгу «Война и мир» Толстого и начал читать с того места, где Пьер Безухов увидел на Арбатской площади комету 1812 г. «И вот перед моим, так сказать, двойным взором стали продвигаться в глубь России две армии: пешая Наполеона и моторизованная Гитлера, – рисовал фантазмагоричную картину в своем воображении Угримов. – И очень скоро я убедился, что первая шла скорее, увереннее, чем катилась вторая. И опять Смоленск, но здесь вдруг “блицкриг” и дал первую трещину. Вот тут-то окрепла моя вера в победу и не оставляла меня уже больше никогда, тем более после разгрома гитлеровцев под Москвой»⁷.

Вот так в удивительной реминисценции толстовской героической эпопеи родилась у Александра Угримова и с годами окрепла не просто уверенность, а вера в победу русского народа в этой тяжелейшей схватке с неисчислимой армадой захватчиков. Но эта его вера была подкреплена еще и огромным желанием помочь далекой, но по-прежнему дорогой и любимой родине. В конце 1941 г. вокруг дурданского инженера-мукомола стала постепенно складываться группа одинаково чувствующих и сопереживавших единомышленников. Окончательно она оформилась на следующий год. На квартире Угримова в Дурдане прошло несколько встреч организационного центра этой антифашистской группы, деятельным ядром которой стали: сам Александр Александрович, его жена – Ирина Николаевна (урожденная Муравьева)⁸, его друзья – Василий Федорович Шашелев, Всеволод Антонович Попандопуло. Несколько позднее к этому ядру примкнули Георгий Константинович Отфиновский, Борис Иванович Волинцев (дважды совершивший побег – сначала из немецкого лагеря военнопленных, а затем из вишистского концлагеря) и близкий друг Угримова по Мукомольному институту в Париже – профессор, крупнейший специалист и автор многочисленных научных работ по хлебопекарному делу француз Раймон Кальвель. Вокруг трех товарищей – Кривошеина, Шашелева

и Волинцева, входивших в руководящее ядро организации, впоследствии образовались три ячейки подпольщиков из русских эмигрантов, проживавших в Париже.

При этом Угримов очень высоко ценил участие в этой группе своих самых близких людей – жены и дочери. Ирина была для него незаменимым советником и помощником во всех делах Сопротивления и даже его маленькая дочь «тоже посильно помогала и тщательно хранила все тайны нашего дома, которые от нее невозможно было скрыть»⁹, – с теплотой вспоминал он много лет спустя.

На первоначальном этапе главная и неотложная задача для Угримова и его сподвижников заключалась в том, чтобы выйти на связь с центром французского Сопротивления и уже под его руководством создать подпольную группу, способную выполнять те или иные задания. Решение этой первоочередной задачи оказалось делом не из легких, особенно для иностранцев и эмигрантов, составивших ядро Дурданской группы. Первые попытки установить связь с руководством Сопротивления ни к чему не привели.

Но Угримов не терял надежды и с особой осторожностью, соблюдая конспирацию, продолжал упорно нащупывать возможные контакты. Так, осенью 1942 г., Угримов, переплыв пограничную реку Шер, отделявшую оккупированную зону, где он жил, от так называемой «свободной зоны», отправился на родину своего друга и шефа по Мукомольному институту профессора Нюре в местечко Шабри. Там он планировал встретиться со своим старым знакомым Буавеном, который по имеющейся у него информации активно действовал в Сопротивлении. Однако Угримова ждало разочарование – к этому моменту Буавен был арестован гитлеровцами и впоследствии погиб в концлагере. Правда, в Шабри он повидал родителей, а также друзей, бежавших туда еще в 1940 г., через которых он рассчитывал выйти на местных коммунистов и уже с их помощью связаться с сопротивленческим подпольем, но и этот план ему осуществить не удалось.

Тем не менее, несмотря на неудачные попытки влиться в ряды Сопротивления, Угримов и его соратники очень успешно проводили тактику малых дел – помощь тем, кто вынужден был перейти на нелегальное положение. Они оказывали содействие людям, бежавшим из плена, скрывающимся от трудовой повинности, а также их семьям – получали для них поддельные документы, снабжали продуктами питания и продовольственными карточками. Особенный размах эта работа получила с того момента, когда служба трудовой повинности СТО (СТО – service de travail obligatoire) стала отсылать французскую молодежь на работы в Германию, и, таким образом, число людей, обратившихся к ним за помощью, многократно возросло. Так, например, все рабочие с мельницы, предназначенные для отправки в Германию, в итоге остались на родине – их по фальшивым документам переправили в разные районы Франции. Угримову удалось достать в дурданской мэрии целую пачку бланков «гесерисс»

(временный вид на жительство) и, имея с десяток печатей, он наладил изготовление фальшивых документов на высочайшем уровне. О безупречном качестве угримовских «паспортов» свидетельствует тот факт, что не было ни одного провала, связанного с этими документами. «Когда начался второй этап в развитии массового сопротивления, – отмечал А. А. Угримов, – пассивное действие переходило в активное»¹⁰.

Особое значение в этой деятельности имело то обстоятельство, что Угримов был связан с мельничным производством. Для снабжения хлебными карточками тех, кто официально получить их не мог, он организовал через местных фермеров и булочников своеобразный круговорот «зерно–мука–зерно» с дополнительным приобретением в ходе этой операции большого количества хлебных купонов. Такая помощь оказывалась всем, кто в ней нуждался, например, несколько раз в гостях у Угримова побывала монахиня Мария Скобцова, которая создала и руководила в Париже благотворительной организацией «Православное дело», помогавшей нуждающимся русским эмигрантам и преследуемым евреям.

Между тем Угримову удалось решить главную на тот момент задачу – установить связь с местной организацией Сопротивления, которую возглавлял механик Блюто (подпольная кличка «Жуен»), работавший в гараже Клода Ламбердиера. Это стало возможным благодаря посредничеству рабочих мельницы – Малепару, Кондамине, Труве и Кайо, которые уже вошли в эту организацию, а также вследствие взаимного доверия, установившегося между Угримовым и Блюто, которые и до этого знали друг друга. В практике подпольной работы сформировались главные критерии при подборе людей в организацию Сопротивления – это личные качества и, конечно, доверие друг к другу. В знак доверия и серьезности намерений Угримов показал Блюто оружие, оставшееся у него от бежавших французских солдат в 1940 г. и спрятанное им на мельнице, а тот, в свою очередь, показал ему гранаты и револьверы, хранившиеся в его мастерской.

Вместе с тем по предложению Угримова к Дурданскому Сопротивлению под руководством Блюто присоединилась и вся «русская» группа антифашистов, включая ее «парижскую» часть. В обоснование такого решения, наряду с прочими факторами, было принято во внимание и то, что Дурдан и мельница находились недалеко от Парижа. При этом имелись постоянные и разнообразные средства коммуникации: телефонная связь, железная дорога и грузовой транспорт, доставлявший муку в столицу.

Неоценимое значение в деятельности Дурданского Сопротивления имела, несомненно, мельница, фактическим хозяином которой являлся Александр Угримов. Это было относительно крупное (три производственных корпуса, служебные и жилые постройки), современное и высокотехнологичное по тем временам производство, производительностью 30 т в сутки. Наличие мельницы открывало для подпольщиков большие возможности в нескольких

направлениях. Во-первых, это снабжение продовольствием; во-вторых, убежище для скрывавшихся от гитлеровцев людей, в-третьих, склад оружия и провианта и, наконец, в-четвертых, мельница имела очень удобное расположение – на окраине города, и была окружена большими частными парками, откуда открывались пути в центр города и в близлежащие лесные массивы.

При посредничестве известного православного богослова и религиозный философа В. Н. Лосского Александр Угримов установил контакты с активной участницей Французского Сопротивления монахиней Мари-Мадлен Дави, возглавлявшей католическую группу антифашистов. Начиная с 1942 г., именно она снабжала Угримова документами для скрывавшихся на мельнице рабочих, а он, в свою очередь, обеспечивал провиантом и хлебными карточками тех людей, которых она укрывала от немцев. Впоследствии они наладили совместную деятельность по отправке на мельницу спасенных летчиков со сбитых над Францией самолетов союзных военно-воздушных сил. Так, например, в 1943 г. она переправила на мельницу к Угримову раненного в воздушном бою американского летчика Р. Монгенаста, который не только прожил у него в доме 2 месяца, но и был вылечен старым другом семьи Угримовых-Муравьевых доктором Э. Н. Бакуниной. Однако это был далеко не единственный случай, когда Эмилия Николаевна – высококлассный врач-хирург – оказывала им неоценимые услуги.

В начале 1943 г. группа Угримова официально присоединилась к французскому движению Сопротивления, дурданским подпольным центром которого являлось гаражное предприятие Ламбердиера. Вместе с тем Угримов совершенно определенно обозначил позицию своей группы в совместной деятельности с Французским Сопротивлением: «Как русские, мы вступаем в ФФК (FFC – Forces francaises combattantes) для совместной активной борьбы под французским командованием с гитлеровской Германией Франции и СССР до полной победы над общим врагом, вплоть до момента, когда мы сможем установить непосредственную связь с командованием советскими вооруженными силами»¹¹. Это уточнение, по мнению Угримова, являлось весьма важным, так как исключало вероятность того, что их группа могла быть вовлечена в действия, не соответствующие политике Советского Союза. Следует подчеркнуть, что французские антифашисты с пониманием отнеслись к этой позиции и даже согласились включить в своеобразную присягу – индивидуальные документы добровольного вступления в Боевые французские части – соответствующие положения в духе вышеупомянутых соображений.

Процедура приема в организацию заключалась в том, что каждый новоиспеченный участник Сопротивления выбирал себе подпольную кличку, состоящую из вымышленного французского имени и фамилии, и подписывал ими соответствующую форму, отпечатанную на ротаторе с индивидуальным порядковым номером. Так, например, Угримов

назвался «Андре Жиру», и получил регистрационный № 2500¹². Заполненный таким образом лист разрезался на две части, одна из которых хранилась у Блюто (среди русских приобретшего подпольную кличку «Иван Иванович»), а другая – у самого члена организации.

Между тем самая активная фаза в деятельности дурданского Сопротивления началась только весной 1944 г. – в последний период борьбы за освобождение Франции, когда по всей стране различные группы антифашистов стали готовиться к вооруженному восстанию. Именно тогда Блюто предупредил Угримова, что всей группе надо быть наготове и по приказу выступить в любое время. Сигналом к выступлению должна была стать условная фраза, которую в течение длительного времени отслеживал в радиозфире Андре Жиру. И вот однажды, почти потеряв надежду, он, наконец, услышал долгожданные слова, передававшиеся на волне лондонского радио и днем, и вечером: «Есть карамель твердая, и есть карамель мягкая»¹³. Это был условный сигнал. По этой команде собрался весь местный боевой актив. Им предстояло принять для Дурдана первую партию оружия, боеприпасов и аппаратуры, которую должны были сбросить на парашютах в условленном месте в 24.00. Так как опыта подобных действий ни у кого из членов группы не было, то с большими трудностями они выполнили эту задачу только к утру, а затем перевезли и спрятали все контейнеры – часть в гараже, часть – на мельнице, а большую часть – в укромном месте на огороде у Блюто. Всего группа Угримова приняла несколько таких «посылок», действуя совместно с другими бригадами.

Однако эта работа, конечно, была связана с большим риском, так как все происходило в спешке, без предварительной подготовки, без правильной организации операций и без слаженности действий, а исключительно за счет предприимчивости, находчивости и, главное, большого воодушевления сопротивленцев. «Обстоятельства сложились так, что часто уже не было ни времени, ни сил принимать элементарные меры предосторожности»¹⁴, – отмечал А. А. Угримов. В то же время постоянные передвижения подпольщиков после комендантского часа, проверки патрулями перевозимых ими грузов на дорогах – все это грозило смертельной опасностью. Тем не менее вся эта деятельность проходила в целом успешно, пока гестапо не вышло на Дурданский центр Сопротивления. Блюто и его товарищам чудом удалось избежать ареста. Какое-то время они прятались в лесу, а затем Угримов нашел для Блюто и его семьи прибежище в Париже у своего друга Кальвея, а других укрыл в квартире своей сестры, сам же вернулся на мельницу.

20 августа 1944 г. утром в Дурдан вошли американские передовые части в сопровождении местных борцов Сопротивления. Угримов встретил их у входа в город, сообщил обстановку и получил, как он, заметил, «приятную возможность въехать в Дурдан на американском легком танке. Мы выполняли роль сопровождающей пехоты, – вспоминал он. – Десяток

немцев был взят в плен, двое было убито. С нашей стороны один был убит и несколько ранено»¹⁵. Вскоре авангард наступавшей армии покинул город и он остался на попечении участников Сопротивления до подхода основных сил союзных войск. Но и после этого дурданская группа совместно с американскими военнослужащими занималась очисткой района от мин и «зачисткой» местности от бродивших по округе немцев, отставших от своих частей.

Долгожданное освобождение от немецкой оккупации Угримов и его соратники отпраздновали в своем подпольном центре – в гараже, по его словам, «бурно и весело. Всюду были расставлены столы, все сопротивленцы присутствовали с семьями. Много было выпито вина, пели песни...»¹⁶. Но громче и проникновеннее всего на этом дурданском празднике победы на всю провинциальную округу звучал советский гимн защитников Отечества «Священная война», конечно, на русском языке. Этим торжественным аккордом завершилась подпольная деятельность дурданского Сопротивления. «Мы проделали тот же путь, что и многие тысячи патриотов тогда по всей Франции»¹⁷, – подытожил этот этап Александр Угримов.

После освобождения воспрями, как бы вырвались наружу все политические и общественные силы, скованные и притаившиеся в период гитлеровской оккупации. Русская дурданская группа влилась в тот момент в Патриотическую милицию, однако вскоре эта организация была распущена, и бывшие сопротивленцы вернулись к своим мирным делам. Между тем в дурданской группе Сопротивления зародилась мысль о том, что надо создать объединение русских участников борьбы против гитлеровской Германии за рубежом, главным образом, с целью собрать ценный материал по этому вопросу, включая и партизанскую борьбу советских военнопленных во Франции. Еще в октябре 1944 г. было проведено организационное собрание инициативной группы, из ядра которой впоследствии и родилось Содружество русских добровольцев, партизан и участников сопротивления во Франции (РДП и УС), которое в 1945 г. возглавил И. А. Кривошеин, вернувшийся из гитлеровских концлагерей, а товарищем председателя был избран А. А. Угримов. В структуру этой организации входили Контрольная, Редакционная и Архивная комиссии. Последнюю, кстати, также возглавил Александр Угримов. В течение зимы 1944–1945 гг. было проведено несколько собраний, где заслушивались доклады и сообщения, в основном посвященные «резистанской» работе. Среди докладчиков значатся имена героев Сопротивления – А. А. Угримова, В. Б. Сосинского, И. А. Кривошеина. За короткое время были выпущены несколько номеров бюллетеней и Вестника РДП и УС. «Но начавший было издаваться во Франции и ставший теперь библиографической редкостью, Вестник РДП и УС прекратил свое существование в связи с высылкой из Франции в 1947–1948 годах его основоположников и организаторов. А жаль для

истории – хорошее было начинание»¹⁸, – с сожалением констатировал Угримов.

В феврале 1946 г. Угримов был удостоен высокой чести – награжден французским Военным крестом, но перед ним, так же как и, очевидно, перед большинством русских французов, с особой остротой встал вопрос о возвращении на Родину. Многие из них наивно полагали закончить войну в рядах Советской Армии, если уж не на Восточном фронте, то хотя бы на Западном в составе особого советского корпуса, составленного из тысяч соотечественников, оказавшихся тогда во Франции. Но этим мечтам не только не суждено было сбыться. Сталинский режим, как впоследствии оказалось, уготовил соотечественникам, оказавшимся в Западной Европе, совсем другую участь и вместо наград и почестей на родине их ждали жуткие объятия ГУЛАГа.

Между тем Александра Угримова и его семью настиг тяжелый и неожиданный удар со стороны властей «благодарной» Франции, за свободу которой он боролся в рядах Сопротивления. 25 ноября 1947 г. он был арестован и принудительно выслан из страны в составе группы руководящих членов Союза советских граждан «как представлявших опасность для существования Четвертой Республики». После трехмесячных мытарств в советской оккупационной зоне в Германии («Бранденбургское сидение») в марте 1948 г. он, наконец, прибыл в родную Москву.

Однако пребывание в столице активного участника антифашистского движения было недолгим. В его судьбе между Москвой, Парижем и снова Москвой на два с половиной месяца вклинился провинциальный Саратов. По прибытии Угримова в Москву сразу же последовало распоряжение о назначении его в Саратов заместителем главного инженера мельничного комбината № 2. Перед отъездом он зашел к своей давнишней знакомой еще с гимназических времен Наташе Нестеровой, которая рекомендовала его своей тетке в Саратове и напутствовала словами классика: «В деревню, к тетке. В глушь в Саратов»¹⁹, предусмотрительно подарив ему галоши, и, как оказалось, очень кстати. «Выхожу в Саратове на вокзальную площадь – солнце светит, – вспоминал Угримов. – Тепло. Распутица. Всюду лужи. Народ одет совсем бедно, больше всего телогреек»²⁰.

Угримова разместили на квартире рядом с заводом, но так как он хотел привезти в Саратов жену и дочь, ему предложили так называемое «ведомственное жилье». Это был мрачный кирпичный дом казенно-казарменного типа с общими уборными и умывалками и, как он уточнил, «соответствующей чистоты и комфорта – почти вокзальные»²¹. Представив Ирину и дочь в этих жутких условиях, он пришел в полное замешательство, но все-таки решил, несмотря ни на что, как-то из этого советского «рая» «смастерить небольшую квартиру с уборной, кухонькой и... даже с камином»²². Но до этого дело не дошло. 15 июня

1948 г. он был арестован. Одновременно с ним в этот же день в Москве были арестованы жена, теща – Е. И. Муравьева и свояченица – Т. Н. Волкова. Тринадцатилетнюю дочь Таню спасла, взяв в свою семью М. Б. Угримова, двоюродная сестра Александра Александровича.

После шестимесячного следствия по приговору Особого Сопровождающего по ст. 58–4 УК РСФСР герою Французского Сопротивления Угримову было назначено наказание – 10 лет с отбыванием срока в исправительно-трудовых лагерях и конфискация всего имущества. Только 27 июля 1954 г. одновременно с женой он был освобожден из застенков ГУЛАГа и смог вернуться в Москву.

В начале 1966 г. в жизни А. А. Угримова произошло важное и знаменательное событие. Н. И. Столярова (Ева) познакомилась с А. И. Солженицыным. «Сразу же понравился мне этот человек, – отзывался об Угримове писатель, – так и дышало от него несомненной надежностью и – юмором. Даже мне показалось – постоянно смешливым настроением, что уж вовсе бесценно в конспиративном горении, но это качество я переоценил, наверно – счастливый был период в его тяжелой, в общем, жизни. Зато еще многие его качества мне предстояло испытать в будущем, например, – тонкий аналитический ум, пронизательную осторожность»²³.

С этого момента Угримов стал одним из «невидимок» солженицынской «армии теней» или, точнее, Ответственным Хранителем, как называл его Солженицын. Он был один из тех, кто тайно хранил архив писателя, помогал Александру Исаевичу переправлять «Архипелаг Гулаг» на Запад, а также подбирал надежных «кротов», которые соглашались держать у себя рукописный и самиздатовский «динамит» Солженицына. На новом поприще Угримова очень кстати пришелся его легковой автомобиль – редкая по тем временам роскошь. «Далеко не у всякого есть, а тут – доверенный, свой, секретный...»²⁴, – оценил преимущества конспиративного транспорта Солженицын. На этой машине перебрасывали рукописи, организовывали встречи, доставляли к писателю нужных людей и т. п. Сам же Угримов предложил зашифровано звать его «Данила-кучер». Так французский сопротивленец «Андре Жиру» стал «Данилой» в солженицынской «армии теней».

Через Ответственного Хранителя великий писатель поддерживал связь с Вадимом Андреевым, который был другом Угримова по эмиграции. Кроме того, Ева и Данила участвовали в подготовке и устройении встреч писателя с супругами В. Л. и О. В. Андреевыми, а также их дочерью О. В. Карляйль. В августе 1971 г. Данила сопровождал Солженицына в его драматической поездке на юг. «Летом 1971 понадобилось мне ехать на юг – одному нельзя и на моей машине считалось опасно, – взялся возить меня Данила на своей»²⁵, – вспоминал об этом писатель. К счастью, эта по-

ездка не обернулась для Солженицына трагедией, окончившись только «солнечным ожогом».

Пожалуй, больше всего Угримову в новом деле пригодился опыт конспиративной работы, полученный им в годы войны в дурданской группе Французского Сопротивления. Бывший подпольщик-антифашист предложил Солженицыну то, что «после провала моего архива было ценней всего: хранение!»²⁶, – подчеркнул Александр Исаевич. Суть предложения Угримова сводилась к тому, что хранение рукописей писателя строилось «по железной схеме» (выражение Солженицына). Материалы хранились разными объемами в нескольких местах и не у самого Ответственного Хранителя, а у так называемых «кротов», которых писатель не должен был знать вовсе. Кроме того, Угримов придумал и внедрил особую систему учета потаенного материала, которую он вел по двум пересекаящимся реестрам. В целом схема хранения солженицынского «динамита» была разработана и воплощена Угримовым настолько четко и безукоризненно, что на протяжении 8 лет не было ни одного провала, а Александр Исаевич до конца жизни так и не узнал почти никого из этих Невидимок-кротов. Даже после того как значительно увеличились объемы хранения, эта схема не давала сбоев – «так устроил все хорошо и просторно А. А.»²⁷, – с благодарностью вспоминал Солженицын.

Таким образом, жизнь Угримова, по его собственному признанию, «...протекала в эпоху самых больших потрясений, крушений, становлений, крутых перемен и катастроф, когда-либо наблюдавшихся в истории за столь короткий отрезок времени <...> петляла тончайшей нитью среди этих титанических нагромождений, обвалов и глыб. Не так-то легко теперь эту нить мысленно как-то вытянуть “из-под глыб” и намотать на катушку воспоминаний. <...> моя жизнь – это малюсенькая клетка среди миллиардов других, образующих организм человечества в целом, во времени и пространстве. <...> Она способна по-своему явиться “свидетелем Истории”»²⁸. Высланный из Франции выдающийся инженер мельничного производства, герой Сопротивления и патриот России, оказавшийся в Лефортовской тюрьме, а затем – зэк, проработавший 6 лет на Воркутинской шахте, и, наконец, ближайший сподвижник А. И. Солженицына. Все эти почти невероятные хитросплетения судьбы, по соб-

ственному признанию А. А. Угримова, как нельзя лучше иллюстрируют «жизненный путь русского человека XX века»²⁹.

Примечания

- ¹ Угримов А. А. Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту. М. : Изд-во «РА», 2004. С. 554.
- ² Подробнее см.: Ковалев М. В. Русская эмиграция во Франции в годы войны // Новый журнал (Нью-Йорк). 2006. Кн. 245. С. 209–230.
- ³ Подробнее см.: Зензинов В. М. Памяти И. И. Фондаминского-Бунакова // Новый журнал. 1948. № 18. С. 299–317.
- ⁴ См.: Памяти Бориса Вильде и Анатолия Левицкого // Вестник Русских Добровольцев, Партизан и Участников Сопротивления во Франции. Париж, 1947. № 2. С. 95.
- ⁵ Угримов А. А. Указ. соч. С. 554.
- ⁶ Там же. С. 555.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Подробнее см.: Варфоломеев Ю. В. Николай Константинович Муравьев : адвокат, политик, человек / под ред. Н. А. Троицкого. Саратов : Наука, 2007.
- ⁹ Угримов А. А. Указ. соч. С. 555.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 560.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 563.
- ¹⁴ Там же. С. 564.
- ¹⁵ Там же. С. 574.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 575.
- ¹⁹ Там же. С. 87–88.
- ²⁰ Там же. С. 88.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 88–89.
- ²³ Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом : Очерки литературной жизни. М. : Согласие, 1996. С. 495.
- ²⁴ Там же. С. 497.
- ²⁵ Подробнее см.: Угримов А. А. Указ. соч. С. 579–596.
- ²⁶ Солженицын А. И. Указ. соч. С. 497.
- ²⁷ Там же. С. 496.
- ²⁸ Угримов А. А. Указ. соч. С. 373–374.
- ²⁹ Там же. С. 373.

Образец для цитирования:

Варфоломеев Ю. В. Александр Угримов – русский герой французского Сопротивления: «Я прошел по канату над пропастью...» // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 304–309. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-304-309>

Cite this article as:

Varfolomeev Yu. V. Alexander Ugrimov – Russian Hero of the French Resistance: «I Walked on a Tightrope over an Abyss...». *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 304–309 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-304-309>